

Последний шанс Ельцина

Егор Гайдар предлагает свой ответ на вопрос, почему президент поступил так, а не иначе

Апрельский правительственный кризис завершился безоговорочной победой того, кто его спровоцировал. Борис Ельцин, убрал Виктора Черномырдина, числившегося чуть ли не престолонаследником, далее двигался к поставленной цели, как танк. Несмотря на дипломатические юнкесны вроде встреч «четверки» или закона Геннадия Зюганова, мало кто сомневался, что на сей раз президент готов идти до конца — вплоть до роспуска Думы, а значит, и парламентского кризиса — ради назначения на ключевой пост в государстве никому не известного Сергея Кириенко.

Парадокс в том, что президент, затеяв столь мощную встряску, так и не дал ответа, исчерпывающий ответ на ключевые вопросы. Почему именно сейчас, а не годом раньше или месяцем позже он отправил в отставку Черномырдина? Почему оставил свой выбор именно на С. Кириенко? Какие ставит цели перед

новым правительством, а значит, и перед обществом? Если курс, как сказано, не меняется, то почему меняется правительство? Если президент затевает серьезное дело, то почему не объясняется с подданными, не делает практически ничего для того, чтобы склонить общественное мнение в свою пользу? Вопросы много — отвечает некому. Президент недоступен. Правительства нет. Оппоненты выговорились.

Поиски ответа на эти вопросы привели меня в конце концов к Егору Гайдару. Его позиция, несравнимое идейное родство с молодыми реформаторами в правительстве и, подозреваю, хорошая информированность — все это дало основание ульянать доводы в пользу решения, принятого президентом. На беседе Егор Тимурович согласился. Но — после окончательного голосования в Думе по кандидатуре С. Кириенко: «Боюсь ему навредить».

номердима, поручить исполнять обязанности премьеру Чубайсу или Немцову и одновременно внести кандидатуру Кириенко — уверю вас, Дума давно бы за него проголосовала.

— Кстати, о Кириенко. Его фигура для всех оказалась столь же неожиданной, как и отставка правительства.

— Ну и что? А тасовать колоду из одних и тех же карт лучше? Да и сравните общественную реакцию, когда только назвали никому не известного Кириенко, с сегодняшней, после его выступлений в Думе, нескольких интервью, заявлений. Каждый мог убедиться, что это умный, интеллигентный, сильный человек, умеющий крепко держать удар и адекватно на него ответить. Я вас уверяю, если он будет работать эффективно, то через 2-3 месяца скажут: «Ну, понятное дело, поставили во главе правительства умного, молодого, энергичного человека — чему удивляться?». Все зависит от успеха.

— А успех, в свою очередь, зависит не только от премьера, но и от состава правительства. Известно, что шли долгие закупочные торги, и уже сейчас многие политики, да и сам Кириенко, дают понять, что в кабинет министров могут войти компромиссные фигуры.

— На мой взгляд, это тот случай, когда не стоит верить политикам на слово. Подождите, когда Кириенко объявит состав своей команды. Лично я надеюсь, что мы будем иметь очень приличное правительство.

— Вы говорите — все зависит от успеха. Но представим наиболее вероятное развитие событий. Дума, вынужденная смириться с Кириенко, не принимает Налоговый кодекс и другие архинужные законы, не решает вопрос с землей, словом, влечет премьера по рукам и ногам, а через 2-3 месяца говорит, что правительство беспомощно, и отправляет его в отставку.

— Конечно, хорошо бы иметь хорошую Думу. Увы, имеем, что имеем. Но при том при всем есть очень много проблем, решение которых зависит от исполнительной власти. Возьмите, например, реформу в силовых структурах. Годы об этом говорили. Но вот назначен сильный министр обороны, который действительно хочет реформировать вооруженные силы, и появилась четкая, понятная линия перестройки системы, появилась работа, ее обеспечивающая, появились зримые результаты. Хотя закон нет. И так можно действовать в целом ряде направлений.

— В своей недавней статье Олег Полцов высказался в том смысле, что слишком большая возрастная разница между пра-

вительством и остальной массой населения, засадишь — машина выскочит, прокуривает... И — почти ничего на выходе. И это при мощной административной энергии Чубайса. Правительство законотенно. Предстоящие кадровые перестановки думаю, помогут преодолеть эту форму парализа.

— Чубайса обязательно надо было уволить?

— Этого я не знаю. Знаю другое: правительство без Чубайса будет слабее, чем с ним. Никаких сомнений. Это большая потеря, которую трудно будет компенсировать. Люди вроде Чубайса — штучные.

— Наши олигархи, в частности Березовский, многие сделали для того, чтобы уничтожить Чубайса. Чего они тем самым добились?

— На мой взгляд, для себя — ничего. Получилось, что свою задачу они решили, а результат — ноль.

— Насколько сильно влияние того же Березовского на принятие решений? На президента, администрацию, семью?

— Одно далеко не так сильно, как сам Березовский намекает. Но и преуменьшать степень его влияния было бы ошибкой. Очень многие люди попросту боятся. Они видят, что Березовский добивается результаты, знает, какими методами он действует, и принимают: если служить ему верно, то Березовский сумеет обеспечить им иммунитет от чего бы то ни было. И наоборот, не будешь служить верно — окажешься врагом и жди напасть.

— В последнее время он очень активен...

— И я этому очень рад. Он явно переоценил свое влияние, и всплеск его публичной активности — очень серьезная ошибка. Рассказывая по телевидению и в печати о своей роли в деле управления государством, давая понять, что именно он стоит за изменениями в правительстве, Березовский не заметил, как приблизился, если не переступил опасную черту. Так случилось со многими, кто вдруг решил, что Ельцин у него в кармане. С тем же Коржаковым, например. Он настолько был уверен, что Ельцин никогда и ни при каких обстоятельствах его не уберет, что, как сейчас Березовский, стал совершать ошибки, которые в конце концов привели его к краху.

— Вам не кажется, что в последнее время теневые фигуры стали играть чрезмерную роль в жизни государства? Мы и не заметили, как ушел со сцены Президентский совет, зато прочно вошло в обиход такое понятие, как семья.

— Теневые фигуры были, есть и будут — в любом государстве. И степень влияния Раисы Максимовны или Хиллари Клинтон не стоит преуменьшать, так ведь? Скажу о

надо сделать. Проводились совещания, заседали — машина выскочит, прокуривает... И — почти ничего на выходе. И это при мощной административной энергии Чубайса. Правительство законотенно. Предстоящие кадровые перестановки думаю, помогут преодолеть эту форму парализа.

— Чубайса обязательно надо было уволить?

— Этого я не знаю. Знаю другое: правительство без Чубайса будет слабее, чем с ним. Никаких сомнений. Это большая потеря, которую трудно будет компенсировать. Люди вроде Чубайса — штучные.

— Наши олигархи, в частности Березовский, многие сделали для того, чтобы уничтожить Чубайса. Чего они тем самым добились?

— На мой взгляд, для себя — ничего. Получилось, что свою задачу они решили, а результат — ноль.

— Насколько сильно влияние того же Березовского на принятие решений? На президента, администрацию, семью?

— Одно далеко не так сильно, как сам Березовский намекает. Но и преуменьшать степень его влияния было бы ошибкой. Очень многие люди попросту боятся. Они видят, что Березовский добивается результаты, знает, какими методами он действует, и принимают: если служить ему верно, то Березовский сумеет обеспечить им иммунитет от чего бы то ни было. И наоборот, не будешь служить верно — окажешься врагом и жди напасть.

— В последнее время он очень активен...

— И я этому очень рад. Он явно переоценил свое влияние, и всплеск его публичной активности — очень серьезная ошибка. Рассказывая по телевидению и в печати о своей роли в деле управления государством, давая понять, что именно он стоит за изменениями в правительстве, Березовский не заметил, как приблизился, если не переступил опасную черту. Так случилось со многими, кто вдруг решил, что Ельцин у него в кармане. С тем же Коржаковым, например. Он настолько был уверен, что Ельцин никогда и ни при каких обстоятельствах его не уберет, что, как сейчас Березовский, стал совершать ошибки, которые в конце концов привели его к краху.

— Вам не кажется, что в последнее время теневые фигуры стали играть чрезмерную роль в жизни государства? Мы и не заметили, как ушел со сцены Президентский совет, зато прочно вошло в обиход такое понятие, как семья.

— Теневые фигуры были, есть и будут — в любом государстве. И степень влияния Раисы Максимовны или Хиллари Клинтон не стоит преуменьшать, так ведь? Скажу о

том, что я знаю. Ельцин — самостоятельный человек. Да, можно, наверное, в чем-то его убедить или подслушать какую-то бумагу, но решения по ключевым, принципиальным вопросам он принимает сам.

— Вы один из немногих политиков демократического толка, кто последовательно поддерживает президента. Лидер другой партии из демократического спектра — Явлинский, напротив, последовательно его критикует, что электорату ближе. Не вредит ли такая ваша позиция образу и популярности ДВР?

— Насчет поддержки я бы с вами не согласился. Когда, например, принималось решение по Чечне, я был первым, кто самым решительным и жестким образом выступил против. Не молчал и «Демвыбор России» — именно мы проводили первые митинги, считая войну страшной ошибкой. Мы многократно критиковали президента за непоследовательные кадровые решения, передвижения страных людей. Но для нас, в частности для меня, главенствующими всегда были соображения дела.

Да, позиция «Яблока» в некотором смысле абсолютно логична и последовательна. Явлинский выступает против любой политики, производимой властью, которую не возглавляет Явлинский. Если сегодня власть будет предвзятая налоговою реформой, «Яблоко» будет против реформы. Если завтра власть откажется от возлагавшей реформы — «Яблоко» будет против того, что она от нее отказывается. И так далее. Позиция Явлинского логична — просто это другая логика. Это логика частных партийных интересов, демонстрация собственной оппозиционности...

—...И это находит отклик у избирателей. Подданные ведь апорины не любят власть, какой бы она ни была.

— Да, это позволяет набирать политические очки. До определенной поры. Наша позиция — это позиция людей, которые начинали реформу. Она изначально другая. Правительство Черномырдина отнюдь не вело страну по предельно рыночному нами пути радикальных рыночных реформ. Разговоры о том, что у нас на протяжении последних шести лет реализуется «гайдаровский» курс, просто несерьезны. И все же мы начали движение России к рынку и априори ответственны за результаты. В том числе и поэтому для нас неприемлема политика «чем хуже — тем лучше».

— Это не создает проблем для вас и ваших единомышленников?

— Создает. Но для меня принципиальным является не вопрос, сколько ДВР наберет голосов, а какая у нас будет Россия через год,

через два, через десять лет. Если я могу хоть что-то сделать, чтобы она была лучше — даже в ущерб партийным интересам, — я сделаю.

— По-вашему, есть ли шансы, что демократическое движение возродится и наберет силу?

— Такое движение России абсолютно необходимо.

— Что для этого нужно — новые испытания или, наоборот, перемены к лучшему?

— Нужно время — быстрые перемены, к сожалению, невозможны. И нельзя сворачивать с выбранного пути. России нужна именно та политика, за которую мы выступаем. И кто бы ни приходил к власти, он может поместиться, потыркаться, а потом все равно вынужден будет делать все то, о чем мы говорим. Потому что иного пути нет. Что у нас раньше или позже возникнет довольно сильное и авторитетное политическое образование, отстаивающее либеральную политику, — в этом я абсолютно уверен. Но сколько времени для этого потребуется и сколько еще времени мы потеряем по той причине, что из-за отсутствия такого движения реформы будут идти по принципу «два шага вперед — шаг назад», — вот это вопрос.

— Вернемся к сиюминутному. Кириенко утвержден. Правительство сформировано. Чего ждать от него в ближайшие месяцы? Что будет считаться успехом?

— Успехом можно будет считать, если правительство за несколько месяцев энергичной работы восстановит ситуацию октября 97-го. Что это значит? Действуют низкие процентные ставки. Быстро растет кредитование народного хозяйства. Банки бегают за предпринимателями, нуждающимися в кредитах. Явно начинается и продолжается промышленный рост, при котором растут валютные резервы. Растет реальный уровень жизни и так далее. В 97-м мы явно вставали на этот путь — потом сблизил. Помешал финансовый кризис в Юго-Восточной Азии, помешала собственная политическая неразбериха. Для начала надо вернуться на то место, где мы сблизил с дороги. И двигаться дальше.

— Сколько времени вы даете правительству Кириенко?

— У правительства есть сто дней, когда оно будет относительно свободно. И у него есть полгода, когда стране нужно будет продемонстрировать результат.

Николай БОДНАРУК, «Известия».

— Егор Тимурович, так как все же понимать неожиданную отставку правительства Черномырдина? Чем она вызвана? Какое оправдание кризису, который за этим последовал?

— Исчерпывающий ответ на этот вопрос дать может, понятно, только президент. Все, что могу я, это строить некие гипотезы, основанные на моем понимании ситуации в стране и в правительстве, отработанном в отставку. Так что слово «знаю» в нашей беседе лучше заменить на слово «думаю».

— Как вы думаете, могло это решение быть импульсивным? Некоторые газеты так и писали: президент в ту пятницу просто встал не с той ноги...

— Да, версия, что президент принял спонтанное, совершенно неожиданное, непрогнозируемое решение, была в тех или иных выражениях растиражирована в наших и иностранных средствах массовой информации. Дескать, все было так хорошо спокойно стабильно, а тут вдруг Ельцину как-то шлеп под хвост попала, и он ундил-учинил. Это полностью расходится с моим предположением, что там на самом деле произошло.

— Но не зря ведь прилипло к президенту это определение — «непредсказуемый».

— В наше время очень многие из тех, кто пишет о происходящем в высших эшелонах власти России, не понимают, что там на самом деле происходит. Чего-то они просто не знают, и это понятно, власть никогда не будет жить нараспашку. Но ведь и просеивать общедоступные факты, копить их, чтобы в нужный момент разложить «пазлы» и найти логику в развитии событий, тоже умеют очень немногие. А потому большинство сначала выстраивают схемы, которые плохо накладываются на реальность, а потом, когда схемы рассыпаются, говорят о непредсказуемости.

Что с правительством не все в порядке — тому было очень много примет. После сложных перипетий лета—осени 97-го года оно оказалось уж в очень большой степени выстроенным как система сдержек

и противовесов. Когда в правительстве оказывается слишком много сильных политических игроков, оно перестает функционировать как собрание высших менеджеров. Появляются иные приоритеты. Вместо того чтобы думать, как, например, наиболее эффективно реформировать естественные монополии, все замыслы направляются на другое — как выстроить сдержки и противовесы, чтобы не допустить избыточного усиления кого-то из сильных игроков.

— Это очень похоже на то, чем постоянно занят президент, разве не так?

— Так. Но разница здесь — принципиальная. Президент — глава государства. Слишком сложны и чреваты последствиями процессы, протекающие в обществе и в высших эшелонах власти. Президент имеет право, хотя не всем это нравится, выстраивать свою систему сдержек и противовесов. Иное дело правительство. Оно технопопично. Ему назначен в умеренном масштабе копировать действия президента, поскольку задачи у него иные, функциональные — добиваться, чтобы проблемы, которые ставит жизнь, решались. А когда оно начинает копировать президента, то попросту перестает работать.

Это очень четко стало видно в истории с двумя заседаниями ВЧК, посвященными крупнейшим недолжникам. На первом, которое проводил Чубайс, было принято одно решение, на втором, под председательством Черномырдина, — противоположное. И так на каждом шагу. Что ни проблема — новое противостояние политических игроков, подтверждающее факт: правительство потеряло способность работать как одна команда.

— По спортивным меркам все должно быть наоборот — чем сильнее игроки, тем лучше команда...

— В спортивном мире тоже все сложнее. Команда — это совсем не значит, что все должны любить друг друга нежной любовью. Они могут даже совсем не любить друг друга. Вопрос установок. Если действия сильного игрока оценивают-

ся по результату командной игры — у него одна мотивация. Если же он думает, как бы тренер по своим соображениям не переклалчил контракт с коллегой по команде по более выгодной цене, — другая.

Правительство как набор самостоятельных игроков не способно генерировать прогнозируемую экономическую политику, не может внушать доверие инвесторам, из него постоянно идут противоречивые сигналы — с виду все стабильно, но оно никуда не идет, никуда не ведет. Думаю, что президент, у которого очень острое политическое чутье, где-то в начале года понял, что жизнь опять поставила его перед трудным выбором: либо сохранить стабильность, что очень соблазнительно, — все привычно, уютно, притерлось... Либо резко поменять ситуацию с целью вернуть потерянную динамику, а значит, идти на потрясения.

— Но почему никто не удосуживается готовить общественное мнение к подобного рода событиям? Выразаясь вашими словами, все привычно, уютно, притерлось, и вдруг как обухом по голове — отставка правительства, возмозный роспуск Думы, выборы...

— Эти вопросы, согласитесь, все-таки не ко мне.

— Но вы какие дали бы этому объяснение?

— Неожиданность этого такого решения имеет свою логику. Оно имеет правительство, которое остается при исполнении, зная, что его со дня на день уберут. Идут сложные игры: снимают — не снимают, а если снимают — кого назначают, выстраиваются коалиции, плетутся интриги, пытаются блокировать приход тех или иных фигур... О работе и речи нет.

— Именно это вот уже месяц мы и наблюдаем.

— Конечно, месяц — большой срок. Чем короче временной лаг между старым и новым правительством — тем лучше для страны. Не получилось. Хотя могло получиться. Для этого Борис Николаевичу надо было, объявив об отставке Чер-

номырдина, поручить исполнять обязанности премьеру Чубайсу или Немцову и одновременно внести кандидатуру Кириенко — уверю вас, Дума давно бы за него проголосовала.

— Кстати, о Кириенко. Его фигура для всех оказалась столь же неожиданной, как и отставка правительства.

— Ну и что? А тасовать колоду из одних и тех же карт лучше? Да и сравните общественную реакцию, когда только назвали никому не известного Кириенко, с сегодняшней, после его выступлений в Думе, нескольких интервью, заявлений. Каждый мог убедиться, что это умный, интеллигентный, сильный человек, умеющий крепко держать удар и адекватно на него ответить. Я вас уверяю, если он будет работать эффективно, то через 2-3 месяца скажут: «Ну, понятное дело, поставили во главе правительства умного, молодого, энергичного человека — чему удивляться?». Все зависит от успеха.

— А успех, в свою очередь, зависит не только от премьера, но и от состава правительства. Известно, что шли долгие закупочные торги, и уже сейчас многие политики, да и сам Кириенко, дают понять, что в кабинет министров могут войти компромиссные фигуры.

— На мой взгляд, это тот случай, когда не стоит верить политикам на слово. Подождите, когда Кириенко объявит состав своей команды. Лично я надеюсь, что мы будем иметь очень приличное правительство.

— Вы говорите — все зависит от успеха. Но представим наиболее вероятное развитие событий. Дума, вынужденная смириться с Кириенко, не принимает Налоговый кодекс и другие архинужные законы, не решает вопрос с землей, словом, влечет премьера по рукам и ногам, а через 2-3 месяца говорит, что правительство беспомощно, и отправляет его в отставку.

— Конечно, хорошо бы иметь хорошую Думу. Увы, имеем, что имеем. Но при том при всем есть очень много проблем, решение которых зависит от исполнительной власти. Возьмите, например, реформу в силовых структурах. Годы об этом говорили. Но вот назначен сильный министр обороны, который действительно хочет реформировать вооруженные силы, и появилась четкая, понятная линия перестройки системы, появилась работа, ее обеспечивающая, появились зримые результаты. Хотя закон нет. И так можно действовать в целом ряде направлений.

— В своей недавней статье Олег Полцов высказался в том смысле, что слишком большая возрастная разница между пра-

вительством и остальной массой населения, засадишь — машина выскочит, прокуривает... И — почти ничего на выходе. И это при мощной административной энергии Чубайса. Правительство законотенно. Предстоящие кадровые перестановки думаю, помогут преодолеть эту форму парализа.

— Чубайса обязательно надо было уволить?

— Этого я не знаю. Знаю другое: правительство без Чубайса будет слабее, чем с ним. Никаких сомнений. Это большая потеря, которую трудно будет компенсировать. Люди вроде Чубайса — штучные.

— Наши олигархи, в частности Березовский, многие сделали для того, чтобы уничтожить Чубайса. Чего они тем самым добились?

— На мой взгляд, для себя — ничего. Получилось, что свою задачу они решили, а результат — ноль.

— Насколько сильно влияние того же Березовского на принятие решений? На президента, администрацию, семью?

— Одно далеко не так сильно, как сам Березовский намекает. Но и преуменьшать степень его влияния было бы ошибкой. Очень многие люди попросту боятся. Они видят, что Березовский добивается результаты, знает, какими методами он действует, и принимают: если служить ему верно, то Березовский сумеет обеспечить им иммунитет от чего бы то ни было. И наоборот, не будешь служить верно — окажешься врагом и жди напасть.

— В последнее время он очень активен...

— И я этому очень рад. Он явно переоценил свое влияние, и всплеск его публичной активности — очень серьезная ошибка. Рассказывая по телевидению и в печати о своей роли в деле управления государством, давая понять, что именно он стоит за изменениями в правительстве, Березовский не заметил, как приблизился, если не переступил опасную черту. Так случилось со многими, кто вдруг решил, что Ельцин у него в кармане. С тем же Коржаковым, например. Он настолько был уверен, что Ельцин никогда и ни при каких обстоятельствах его не уберет, что, как сейчас Березовский, стал совершать ошибки, которые в конце концов привели его к краху.

— Вам не кажется, что в последнее время теневые фигуры стали играть чрезмерную роль в жизни государства? Мы и не заметили, как ушел со сцены Президентский совет, зато прочно вошло в обиход такое понятие, как семья.

— Теневые фигуры были, есть и будут — в любом государстве. И степень влияния Раисы Максимовны или Хиллари Клинтон не стоит преуменьшать, так ведь? Скажу о

надо сделать. Проводились совещания, заседали — машина выскочит, прокуривает... И — почти ничего на выходе. И это при мощной административной энергии Чубайса. Правительство законотенно. Предстоящие кадровые перестановки думаю, помогут преодолеть эту форму парализа.

— Чубайса обязательно надо было уволить?

— Этого я не знаю. Знаю другое: правительство без Чубайса будет слабее, чем с ним. Никаких сомнений. Это большая потеря, которую трудно будет компенсировать. Люди вроде Чубайса — штучные.

— Наши олигархи, в частности Березовский, многие сделали для того, чтобы уничтожить Чубайса. Чего они тем самым добились?

— На мой взгляд, для себя — ничего. Получилось, что свою задачу они решили, а результат — ноль.

— Насколько сильно влияние того же Березовского на принятие решений? На президента, администрацию, семью?

— Одно далеко не так сильно, как сам Березовский намекает. Но и преуменьшать степень его влияния было бы ошибкой. Очень многие люди попросту боятся. Они видят, что Березовский добивается результаты, знает, какими методами он действует, и принимают: если служить ему верно, то Березовский сумеет обеспечить им иммунитет от чего бы то ни было. И наоборот, не будешь служить верно — окажешься врагом и жди напасть.

— В последнее время он очень активен...

— И я этому очень рад. Он явно переоценил свое влияние, и всплеск его публичной активности — очень серьезная ошибка. Рассказывая по телевидению и в печати о своей роли в деле управления государством, давая понять, что именно он стоит за изменениями в правительстве, Березовский не заметил, как приблизился, если не переступил опасную черту. Так случилось со многими, кто вдруг решил, что Ельцин у него в кармане. С тем же Коржаковым, например. Он настолько был уверен, что Ельцин никогда и ни при каких обстоятельствах его не уберет, что, как сейчас Березовский, стал совершать ошибки, которые в конце концов привели его к краху.

— Вам не кажется, что в последнее время теневые фигуры стали играть чрезмерную роль в жизни государства? Мы и не заметили, как ушел со сцены Президентский совет, зато прочно вошло в обиход такое понятие, как семья.

— Теневые фигуры были, есть и будут — в любом государстве. И степень влияния Раисы Максимовны или Хиллари Клинтон не стоит преуменьшать, так ведь? Скажу о

через два, через десять лет. Если я могу хоть что-то сделать, чтобы она была лучше — даже в ущерб партийным интересам, — я сделаю.

— По-вашему, есть ли шансы, что демократическое движение возродится и наберет силу?

— Такое движение России абсолютно необходимо.

— Что для этого нужно — новые испытания или, наоборот, перемены к лучшему?

— Нужно время — быстрые перемены, к сожалению, невозможны. И нельзя сворачивать с выбранного пути. России нужна именно та политика, за которую мы выступаем. И кто бы ни приходил к власти, он может поместиться, потыркаться, а потом все равно вынужден будет делать все то, о чем мы говорим. Потому что иного пути нет. Что у нас раньше или позже возникнет довольно сильное и авторитетное политическое образование, отстаивающее либеральную политику, — в этом я абсолютно уверен. Но сколько времени для этого потребуется и сколько еще времени мы потеряем по той причине, что из-за отсутствия такого движения реформы будут идти по принципу «два шага вперед — шаг назад», — вот это вопрос.

— Вернемся к сиюминутному. Кириенко утвержден. Правительство сформировано. Чего ждать от него в ближайшие месяцы? Что будет считаться успехом?

— Успехом можно будет считать, если правительство за несколько месяцев энергичной работы восстановит ситуацию октября 97-го. Что это значит? Действуют низкие процентные ставки. Быстро растет кредитование народного хозяйства. Банки бегают за предпринимателями, нуждающимися в кредитах. Явно начинается и продолжается промышленный рост, при котором растут валютные резервы. Растет реальный уровень жизни и так далее. В 97-м мы явно вставали на этот путь — потом сблизил. Помешал финансовый кризис в Юго-Восточной Азии, помешала собственная политическая неразбериха. Для начала надо вернуться на то место, где мы сблизил с дороги. И двигаться дальше.

— Сколько времени вы даете правительству Кириенко?

— У правительства есть сто дней, когда оно будет относительно свободно. И у него есть полгода, когда стране нужно будет продемонстрировать результат.